
Эндре Ади

Ady Endre

1877-1919

Перевод с венгерского:

Юрий Тарнопольский

См. [ПРИМЕЧАНИЕ](#)

Еще не всё

[VALAMI MÉG KÉSZÜL](#)

Когда душа вот-вот трухой
Осядет как руины мельницы –
Нежданно снизойдет покой.

Уже решил: пора упасть,
Не быть ни злу, ни благу новому –
Как в сердце бьет с размаху страсть.

Так много жизнь давала мне
Чудного, горького, дурманного,
Но кое-что хранит на дне.

Спящая принцесса

[AZ ALVÓ KIRÁLYLEÁNY](#)

Исполнение желаний
Как принцесса спит в лесу.
На коне я к ней несусь.

В эту ночь свершений может
Сбыться все, к чему тянусь,
Но принцессы не коснусь!

Нет, промчусь не оглянувшись.
Спи еще сто лет. Промчусь.
Я боюсь тебя, боюсь.

Сменяя коня за конем

ÚJ S ÚJ LOVAT

Боже! Я твой непоседа,
Шли коня мне, шли же,
Чтобы не остолбенел я
Перед всем что вижу.

Обжги коня жестоким
Гордым гончим жаром
И меня – чтоб милосердьем
Не сорил я даром.

Тки судьбу безумной паствы,
Но мою – иначе:
Тот кто твой, хоть не от мира. . .
Пусть без срока скачет.

Если конь, Стрелой задетый,
Кровью красит пену –
Скакуна еще резвее
Дай ему на смену.

Завершение: бессмертье.
Страх – с недолгим веком.
Человека не удержат
Если Человек он.

Вслед Стреле летит дорога,
Громогласно хмели
Над клокочущей землею
Славят бега цели.

Замкнуты в порочном круге
Смерть и Перемена.
Только радость будет целью
Алой и нетленной.

Жизнь и смерть даются парно.
Кто ослаб, в упадке –
Дай тому, Господь, упругой
Удалой посадки.

И пока скачу, дай Боже,
Чтоб открытым оком
Сны о радости я видел
На пути далеком.

Сквозь пугливый, бестолковый
Гурт скотоголовый
Ни на миг не умолкая
Прозвенят подковы.

На пути Стрелы великой
Ласково и верно
Я гляжу поверх недолгой
Обреченной скверны.

Родственник Смерти

[A HALÁL ROKONA](#)

Я наверно родственник Смерти:
Я сильнее люблю на исходе
И нежнее целую ту,
Что уходит.

Я люблю примятые розы
И любовь увядающих женщин,
И осенней горькой листвы
Круженье.

Я люблю в полосе печали
Зов таинственной вещи приметы –
Этот бледный, слабый двойник
Смерти.

Я люблю усталость уступки,
Плач беззвучный и грусти минуты,
Мудрецов, поэтов, больных
Приюты.

Я люблю тех кто все утратил
Кто застыл в тупике, в невезеньи,
Кто не верит и кто скорбит:
Эту землю.

Я наверно родственник Смерти:

Я сильнее люблю на исходе

И нежнее целую ту,

Что уходит.

Расточить себя в объятьи

[ELFOGYNI AZ ÖLELÉSBEN](#)

В губы, бедра, грудь, запястья

Вклеиться, врасти губами,

Расточить себя в объятьи:

Так хочу я.

Да, в меду, слезах и яде

Насмерть с ясными глазами

Расточить себя в объятьи:

Так хочу я.

Трупом в гибельном проклятьи

Под костей веселый скрежет

Расточить себя в объятьи:

Так хочу я.

Неверное сердце

[HÍVEN SOHASE SZERETTEM](#)

Сердце жар чужой копило,
Но неверным сердце было.

Клятвы я шептал любимой
А глаза смотрели мимо.

Мог ласкать и мог смеяться
С сердцем грустного паяца.

Если в мыслях жаждал смерти,
Лгал себе же лицемерно.

Если милой клялся жизнью,
Забывал я клятвы живо.

Обеспамятев с одною,
С новой просыпался, с новой.

Отдавая душу, тело,
Не нашел чего хотел я.

Сердце жар чужой копило,
Но неверным сердце было.

Смех и плач

KACAGÁS ÉS SÍRÁS

Смеяться трудно. Плакать легче:
Когда я громко хохочу,
Мои смущенные слезинки
Спешат на дно души улечься.

У всех глаза водой слезятся.
Сухие слезы у меня:
Таким странными слезами
Заплакать— значит засмеяться.

Как будто вспомнив жуткий образ,
Смеюсь – и словно отголосок
Чьего-то вечного проклятья
Мой смех тревожный и недобрый.

Мой страх исчез

[ELHAGYOTT A FÉLELEM](#)

Я швырнул старый сонный факел
Головы моей в прах.
Бог исчез для меня отныне
Ибо исчез мой страх.

Отмерцали глаза мои страхом –
Звезды зимних небес.
Я исчез для всего на свете
Ибо страх мой исчез.

Я шагал смертоносной ночью
Через трупы в гробах,
Но от страха не лязгали зубы,
Ибо исчез мой страх.

Я как тот, для кого могила –
Недоступная честь.
Не пойму, я живу или умер,
Ибо страх мой исчез.

Далекие телеги

[A TÁVOLI SZEKEREK](#)

Взошла луна после полуночи,
Листва упала тенью пегой,
По каменистым трактам к городу
Бредут
Далекие телеги.

Взошла луна, заныла музыка,
Дорогой лунной как по снегу,
Поскрипывая и потрескивая,
Бредут
Далекие телеги.

Кто лоб лучу подставил лунному –
Опомнится от сонной неги,
Когда издалека, натруженно
Бредут
Далекие телеги.

Они торопятся на ярмарку.
Трещат их ступицы-калеки,
И с визгом-лязгом, скрипом-скрежетом
Бредут
Далекие телеги.

Огонь зари вдали завидела
Луна, оглядываясь в беге,
И сонно гаснут фонари, когда
Бредут
Далекие телеги.

Прятки, прятки, прятки

ЈАТЭК, ЈАТЭК, ЈАТЭК

(Игра, игра, игра)

Это ты шепнула:

– Кто-то там в сторонке,

Не играй в объятки,

Играй в похоронки.

Прятки, прятки, прятки...

Нам бы как позвонче,

Ловче друг за другом,

За судьбою гонче.

Но тая от чуда,

Пряча от веселья,

Сорняки сгубили

Все наши посевы.

Я к тебе от сердца,

Ты же – с укоризной:

Двух седых подростков

Шуточная тризна.

Шуточки до всхлипа,
Страсть до пресыщенья,
Страсть велит нам властно:
Вылечить влечение.

Прятки в полжеланья,
Веры беспокойство,
Радость исподлобья,
Горькое геройство.

Ласковые грезы
На губах не жгучи:
В белом зимнем небе
Так гуляют тучи.

В белом зимнем небе,
В красоте и плаче,
Но не в беззаветной
Страшной всеотдаче.

Только не по чуду,
Только не по будням,
А как будто сдавшись
В поединке трудном.

Зимы дарят волка,
Голод дарит ноги,
Скука дарит страсти,
Красота – тревоги.

Жернова – пшенице,
Жернова – желаньям,
Умный сумрак смерти –
Жизненным кривляньям.

Замыслы – до яви,
До цветка – бутоны,
До названья – тайны
Чудо вечно гонит.

Гонит реку в море,
В эхо гонит звуки,
Гонит жизнь к упадку,
А тебя мне в руки.

Бой и смерть

[HARC ÉS HALÁL](#)

Жизнь люблю. Но это мне стоит
Бессонных ночей:
Я начисто эту жизнь отрицаю,
Но не расстанусь с ней.

Люблю я пестрых ночных видений
Загадочный свет.
Люблю на пиру поступков оставить
Влажный кровавый след.

Жизнь, забытьё, паралич, дело –
Свиты борьбой:
Во мне, бесстрастном, они сочетались
Браком между собой.

Да, жить с отрицанием жизни:
С ним я живой.
Посмотрим, кто из нас перетянет:
Я или жребий мой.

Ничто меня не потревожит,
Мой путь предрешен:
Близится юное мудрое Время,
Чтобы исполнить закон.

Потоку дней непринужденно
Я отдаюсь весь,
И гордо, горько Господь поцелует,
Если он в самом деле есть.

Гордец

[A NIVALKODÓ EMBER](#)

(Честолюбец)

Единственное важно: Я!
Всему, что на земле и в недрах,
Оно—причина бытия.
Тщеславием велик гордец.

Одно лишь важно: кто я есмь?
И пусть слепые волны крови
Покорный мир затопят весь:
Тщеславием велик гордец.

Одно на свете важно: Я!
Не важно, смерть или не смерть.
Смерть поразит его коня,
Но смерти избежит гордец.

Когда весь мир наш разъярен
И добрые смердят как падаль,
Кто благороден? Только он,
Стоящий на своем гордец.

Музыка бытия

Струной в неловких руках
Строка моей жизни стонет
И тонет
Музыка в токе мгновений.

А спросят меня – я здесь!
И здесь все мои пожитки
До нитки
Я промок, но светло мне и сухо.

Словно прежних забот
Возвращенье—погода сырая,
Я смиряюсь
Ибо смиренье прекрасно.

Я с любимой здесь.
Все иное пускай отдалится,
А проститься
Я пожалуй еще успею.

Мой ненавистный дорогой народ

Хоть много раз я был готов
Податься прочь, пожав плечами,
Покуда жизнь меня когтит –
Я не могу со сволочами.
И я с тобой, коварный мой народ.

Обманут я, но за обман
Я благодарен в полной мере
Судьбе и Жизни и летящим дням,
Еще жива моя калека-вера
И жажда дела гонит прочь покой.

Хотя бы словом, но творить,
Но созидать и ненавидеть,
Качая непокорной головой,
Твердить, что ничего не выйдет
Пока хоть чей-то слышен тихий стон.

Отечество – как стая гончих псов
И потому такой у сердца голос:
Отвагой недостаточно была
Напряжена моя грудная полость,
Хотя давно я поднял здесь трезвон.

Давно бы я отвел свой взгляд
От этого срамного танца...
Беда над родиной, беда,
И надо мне конца дожидаться,
Мой ненавистный дорогой народ.

Кто заменит меня

[AKI HELYEMRE ÁLL](#)

Как же так может быть:
Звездопадные ночи,
Зной в дурманящем лете –
Без меня в этом свете?

У истоков вина
В октябре златопышном
Пьяным звездчатым листьям
Мне на грудь не валиться.

Не укрыться зимой
На широких диванах
В душном жарком салоне
Госпожи благосклонной .

Не отыщет меня
Рой весенних герольдов
Среди глубей и мелей,
Славы, ландышей, хмеля.

Как же так может быть?
Все мое в этом мире
Все, что в жизни мне мило,
Все, что есть, станет «было»?

Никогда, никому
Так он не был желанен
Чудный злобный и жадный
Мнимый мир Шахразады.

Пусть того проклянут
Кто займет мое место
В глотку брызнут отраву
И зрачки пробуравят.

Пусть же сердце его
Бьется редко и глухо
Пусть он к женщине руки
Тянет в немощной муке.

**ПЕРЕВОДЫ 1970-х ГОДОВ,
ДОБАВЛЕННЫЕ В ИЮНЕ
2011 ГОДА**

Поэт Хортобади

[A HORTOVÁGY POÉTÁJA](#)

Из рода кунов, большеглазый
Он с тьмой желаний еле ладил
И стадо пас, пересекая
Равнины славной Хортобади.

Сто раз ему теснили душу
Степные зори и миражи,
Но если рос цветок из сердца –
Его жевал попутчик ражий.

А он всё думал о прекрасном,
О женщине, вине и смерти;
В любом другом краю на свете
Поэтом был бы он бессмертным.

Но видя грязного, в опорках
Собрата и толпу баранью,
За пазуху он песню прятал
И шел со свистом или бранью.

Ястребиная свадьба

HÉJA-NÁSZ AZ AVARON

Давнее лето остыло и скрылось.
Мы – пара ястребов усталокрылых,
С клетотом, с плачем уносимся в осень.

Летние, юные, хищные птицы
Рвутся в любовных сраженьях схватиться,
Дерзко звеня молодыми крыламн.

Мы улетаем, изгнанники лета,
Мы остановимся в осени где-то,
Нежно вопьемся друг в друга когтями.

Вздыбятся перья в отчаянной схватке;
Здесь мы сыграем последнюю свадьбу,
С неба падем на опавшие листья.

На венгерской пустоши

[A MAGYAR UGARON](#)

Чернозем сорняками застелен.
Шляюсь по захолустной дыре,
Все знакомо на сонном поле,
На родном пустыре.

Что за напасть так одолела
Чистоту черноземов святых?
Ух! Лопух-лебеда до неба,
Но где же цветы?

Вьются дикие лозы, змеятся...
Ищу я душу, что спит в земле,
И старинных цветов ароматы
Я вдыхаю, сомлев.

Тихо-тихо. Так сорно, просторно...
Сорнотравье – снотворной петлей,
Да насмешливых ветров шелест
Над пустынной землей.

Ночной проселок

KOCSI-ÚT AZ ÉJSZAKÁBAN

Так пусто и немо в ночи,
Лунный осколок так жалок,
Сердце печальное сжалось,
Так пусто и немо в ночи...

Всё целое раздроблено,
Пламя разбилось на плоски,
Страсть развалилась на крошки,
Всё целое раздроблено.

Катится шаткий возок,
Вслед поднимается стоном
Полунемой полугомон.
Катится шаткий возок.

Никто не идет

[NEM JÖN SENKI](#)

Тук-тук... На лестнице женский шаг
Робкий, скрытный, стучит негромко.
Сердце умолкло, надеюсь, жду,
Необычайное жду в потемках.

Тук-тук... Это сердце опять
Бьется, ликует и говорит мне:
Кто-то идет сюда, кто-то идет
Медленным шагом в тайном ритме.

Тук-тук... а теперь закат
Бормочет туманные, тусклые строки.
Осенний дождливый вечер. Опять,
Сегодня опять мне быть одиноким.

На балу с Ледой

LÉDÁVAL A BÁLBAN

Вскрикнул оркестр, взметнувшись, опали
Клубы счастливого юного пара:
Юные лица в венках ароматных
Смотрят в испуге на черную пару.

«Кто это?» Входим в скорбном молчаньи,
Мертвый оскал заслонили вуали,
Розы с венцов наших блеклых и вялых
Тихо при свете свечей облетали.

Музыка стихла в радостном зале.
Свечи гасила и плакала вьюга.
Мы закружились, с дороги сметая
Юных счастливцев дрожащих в испуге.

По новым водам

ÚJ VIZEKEN JÁROK

Неси, мой челн, в Грядущее героя,
Хмельному кормчему пускаю вдогонку воют,
Лети мой челн,
Неси, мой челн, в Грядущее героя.

Лететь, лететь, лететь, дышать свободой,
По новым, новым Водам, чистым Водам.
Лети мой челн,
Лететь, лететь, лететь, дышать свободой.

На горизонте – трепет новой смуты
И жуткой новизной полны минуты,
Лети мой челн,
На горизонте – трепет новой смуты.

Долой все сны что прежде снились часто,
Я в море новых мук и тайной страсти,
Лети мой челн,
Долой все сны что прежде снились часто.

Я бардом ветхой серости не стану,
Гонимый Божьим духом иль дурманом:
Лети мой челн,
Я бардом ветхой серости не стану.

Осень прокралась в Париж

PÁRISBAN JÁRT AZ ŐSZ

Осень вчера проскользнула в Париж,
На Сен-Мишель, по бульжникам улиц.
В летнем безлюдьи под тихой листвой
С ней мы столкнулись.

Брел я вдоль Сены тогда, и в душе
Песни-лучинки мне пели, сгорая,
Дымно, причудливо, грустно – о том,
Что умираю.

Осень настигла, о чем-то шепнув,
Дрожью на шепот бульвар отозвался,
Легкие листья, шурша, понеслись
В ветреном вальсе.

Только на миг... лето не поддалось,
Осень, смеясь, из Парижа умчалась.
Помнил о ней только я, да листва
Ныла, печалась.

В долине Тисы

[A TISZA-PARTON](#)

Я пришел из долины Ганга,
Взлелеянный знойным светилом,
Полевой колокольчик – сердце,
Чуткий трепет – все мои силы.

Журавель, топорище, жернов,
Ласки дики, руки костисты,
Живодеры мечты, ублюдки.
Что ищу я в долине Тисы?

Птица ясных раней

[A HAJNALOK MADARA](#)

Святые крылья в огненной пылице
Напрасно бью, ломаю: вьется рядом,
Но все не отлетает от меня
Радость, Радость.

Она запорошила душу мне,
Хмелею, оглушен пылью горячей,
Ликую, темным пламенем горю,
Ярче, ярче!

Я грубо отбиваюсь, крылья бью.
Кыш! Кыш! О, птица ясных раней,
Ну что ты хочешь, птица, от меня?
Ранен, ранен ...

Она все сыплет. Все больней, больней
Горит огнем вся кожа, нервы, жилы.
С холодным потом, чую, истекут
Силы, силы...

Плакать, плакать, плакать

[SÍRNI. SÍRNI. SÍRNI](#)

Пойти, лишь час полночный пробил,
Навстречу катафалку с гробом.

Не спрашивать, кто умер. Молча
Звонить в печальный колокольчик.

Стоять под серебром и крепом,
Сложив персты в знаменьи крестном.

Изнемогать в одеждах тяжких
От чада факелов коптящих.

Разить гремучих теней лики
И сдавленно шептать молитвы.

Измучить слух органным басом
И гулом скорбного набата.

Через разверстые могилы
Пойти за служкой молчаливым.

В лицо покойника украдкой
Взглянуть, дрожа как в лихорадке.

Озябнуть от ночной прохлады,
Вдыхая лунный свет и ладан.

Покаяться и в исступленьи
Стать, отрекаясь, на колени.

Былое осуждать сурово,
Прижавшись в исповеди к гробу.

Долги считать перед расплатой
И плакать, плакать, плакать, плакать.

Венгерские мессии

[A MAGYAR MESSIÁSOK](#)

Слеза солонее,
Да скорби другие...
Венгерский мессия –
Семижды мессия.

Семижды умрет он,
Гвоздями пришпилен,
За то, что бессилён,
Всегда был бессилён.

Кладбище душ

[A LELKEK TEMETŐJE](#)

Кладбище душ,
Страна-кладбище,
В цвету сиротское кладбище,
Земля здесь под дождями крови
Дарила ядовитой пищей.

Здесь жили те, кто и не жили,
А лучшие совсем не жили,
Лоснились жиром негодяи,
Тянули из пророков жилы.

Печальная равнина венгров,
Унылая равнина венгров,
Край мертвецов. Грозили небу
Их кулаки в набухших венах.

О, здесь счастливы, кто же жили,
А лучшие совсем не жили,
Лоснились жиром негодяи,
Тянули из пророков жилы.

Склоняя голову

[НА ФЕЖЕМ ЛЕНАЈТОМ](#)

Большой сатирьей годовой
В колени женские вминаясь,
Припоминаю...

Я мощной женщиной бродил
По краю знойному и пышному – сонливо,
Неторопливо.

В далекой глубине времен
Я был той женщиной, дородно-первозданной,
Желанной.

Толпа худых юнцов за мною вслед
Скользила, вожделением больная,
Припоминаю...

Польза слез

A KÖNNYEK HASZNA

«Кто таков, что тебе, человече?»

«Я за всех, кому плачется, плачу,"

Так сомненью-судье отвечу.

«И под силу страдать за миллионы?

Разве праведник ты великий?»

«Нет, но вере кладу поклоны.»

«Где найдешь столько слезной соли?

О себе одном бы и плакал.»

«Нестерпимы чужие боли.»

«Ну а если голову сложишь?»

«Что же может быть краше смерти,

Реки слез переполнят ложа.»

«Да ведь будет всё так, как было!»

«Нет, раскинется половодье,

Хватит слез, чтобы мир омыло.»

Всё правильно, Боже

[RENDBEN VAN, ÚRISTEN](#)

Кто хотел, чтобы я его предал
И разлуку с Сионом изведаль,
А потом принялся бы опять
Слезно кланчить постыдную милость?

В одиночестве сердце томилось,
И колени мои подломились...
Неужели пред тем, кого нет?
Чье подобие страждущий лик мой?

Перед кем изливаюсь молитвой?
Чьей враждой и любовью облит я
И о ком вопрошаю порой,
Может быть моя боль ему в сладость?

Кто же мне даровал богоравность?
Кто мою претворил заурядность,
Что – ничтожный – никак не умру,
Что у труса бессмертная смелость?

Кто хотел, чтобы мне не хотелось,
Чтоб осенней былинкою тело
Я склонил бы навстречу косе
Со словами: все правильно, Боже!

Поцелуй-до-упаду

[CSÓK AZ AJULÁSIG](#)

Прославленный в жуткой балладе
Царит поцелуй-до-упаду,
Средь мрачных и лесобородых
Вершин и пещеристых зевов
Он спит как огромная дева.

Луной обозначатся тени,
И горы падут на колени,
Потянутся к светлым озерам,
Качнутся в глубоком поклоне,
В крови со слезами утонут.

Беда, коль найдешь это место,
И горе, коль с женщиной вместе:
Твой жаждущий рот не напьется,
Изношен и тронут распадом
Продлишь поцелуй-до-упаду.

Под вечер ли, в ночь, на рассвете,
Быть может, умчит ее ветер,
Фиалковый холмик оставив.
Без женщины или же с нею,
Целуешь, душой каменя...

Кони Смерти

A HALÁL LOVAI

По большаку в луне белесому,
Когда отары туч несметных
Прогонят пастухи небесные,
К нам из далеких мест торопятся
Некованные кони смерти.

Они бегут бесшумно, губительно
С тенями всадников на спинах,
Тоскливы, немые тени-всадники,
Луна испуганная пятится
В недостижимые глубины.

Откуда мчат они, кто ведаёт?
Вселенная безвольно дремлет.
Но если кони остановятся,
Всегда седло найдётся всаднику,
Найдётся и пустое стремя.

И тот пред кем конь остановится,
К седлу идет с лицом как камень,
И вместе с ним ночами лунными
Несется белыми дорогами
Смерть за другими седоками.

Под маской молодости

ÁLCÁS, VÉN VALÓMMAL

Я – старый, угрюмый,
Но с юным лицом,
Как будто бы детство,
За играми детство
Забилось на нем.

Нетвердо и шатко,
Но храбро иду,
Как будто бы нечто,
Великое Нечто
Я где-то найду.

Каштановый волос
Не редок, не сед,
Как будто он прямо,
Парик этот прямо
На душу надет.

Глаза разгорелись
И женщин зовут,
Как если бы радость,
Великая радость
Позвала нас в путь.

Старая под маской,
Иду, молодой,
Насмешлив и молод –
Обманчиво молод –
На вечный покой.

Каин убил Авеля

KAIN MEGÖLTE ÁBELT

Знаю, Господи, знаю.
Людей надо любить.
Но снова Авель убит:
Я сам собой убит.

Кровь не смою с ладоней
Никуда не сбегу.
Убивая не был я грешником:
Безгрешный я душегуб.

Всем были мы чужие.
И ты не дал нам сил
Вдвоем прийти к тебе, Господи,
Как твой единственный сын.

И поднял руку Каин –
Сильней была в нем боль –
И убил дитя твое, Авеля
Вместе с самим собой.

Кто на свете сумел бы
Мертвых теперь винить?
И даже ты, «не убий» сказавший,
Не прогнеvisь на них.

Раздвоенным изгоем
Был. И убил себя.
Прими же меня, двуединого
Прощая и любя.

В цирке народов

[A FAJOK CIRKUSZÁBAN](#)

В муравейнике венгерском
Нет исхода,
Застарела наша боль,
Плачу о своем народе.

Ветхий и другим постылый
Хлам – все наши идеалы,
Рвемся с пылом
В обреченный, гиблый бой.

Раздобытая на свалке,
Еле тянет нити жизни
Наша прялка.
Поделом, коль рвется нить.

Принялась бы хоть чужая
Жизнь в заемных наших жизнях
Освежая,
Как вино из новых лоз.

Но бесплодью нет просвета,
Нет христового дня у венгров,
А заветы
Нам велят писать, творить.

Я не знаю, что в них толку,
В этих наших лживых жизнях,
Знаю только,
Все бы отдал, чтоб узнать.

Как ни жалко и убого,
Как ни горько сам живу я,
Горше много
Жребий рода моего.

И маячат нам все те же
Обесцененные цели.
На манеже
Нам кривляться суждено.

Жить пока живется

ÉLNI, MÍG ÉLÜNK

Да: жить, покуда живы,

Да: мудрость так велит.

Но что же нам делать с жизнью если

Болят?

Да: мечтай о высоком,

Да: чтоб жар не иссяк,

Хоть великое, как известно,

Пустяк.

Да: жить и стиснуть зубы,

Да: дотянуть суметь,

Пока придет известный профессор:

Смерть.

Да: жить, покуда живы,

Да: мудрость так велит.

Но что же нам делать с жизнью, если

Болят?

Чужие лица

[AZ IDEGEN ARCOK](#)

Когда я вижу чужие лица,
Я в страхе на землю бросаюсь ниц,
О, Господи, сколько лиц на свете,
Сколько на свете разных лиц!

Сколько сверлящих хмурых взглядов,
Сколько нависло лбов, леденя,
Сколько неясных, тайных упреков,
Сколько скорби веет в меня!

Сколько же лиц меня обвиняют
В былой вине и грядущей вине!
Как раб на цепи, ловлю с опаской
Господский взгляд брошенный мне.

Некогда эти лица друг с другом
Вели какой-то отчаянный бой,
Но оголтелую рабью злобу
Не насытили меж собой.

Сами они едва ли помнят
Свой жуткий, кровавый, нелепый спор,
Но на любом лице человеческом
Незримо пылает позор.

На этих лицах, чуждых лицах
У тайных воспоминаний в плену
Хотелось бы мне хоть раз улыбкой
Развеять вражды пелену.

Послеполуденная луна в Риме

NYÁRDÉLUTÁNI HOLD RÓMÁBAN

После полудня в Риме
Ласточки ореолом
Взвились вместе с веселым
Ликом летней луны.

В синеву или алость
Возвращенье свершалось
Вековой старины.

Улетучилась роща,
Померещилась площадь,
В чередѣ солнц и лун.

Оплетенный в руины,
В бег веков опрокинут
Рим вертится как вьюн.

О, блаженная вечность,
Перемен бесконечность,
Град забвения, Рим!

Я – удачливый беглый
Из отжитого пекла
И тобою храним.

Дивный, вечный и мудрый,
Дай незлобное утро
И приютом продлись.

Я кончины не знаю,
Только облик меняю,
Словно ловкий Улисс.

Перед суетным Римом,
Мир вобравшим незримо,
Оробело клонюсь.

Здесь желанье крылато:
Мановеньем заката
Ремом я становлюсь.

Вижу римлянок милых,
Вижу Будет и Было:
Я до Рима рожден,

И луну, что здесь реет,
Бьет в глаза, но не греет,
Знаю с давних времен.

Леда в саду

[LÉDA A KERTBEN](#)

Я вижу тебя в невеселом саду:
Качается красный гамак,
Над нашими ласками плачут цветы
И голову клонит мак.

Мне чудится: красные тучки вдвоем
По синему небу бредут.
Желанья сгорают, венчая собой
Безжизненных ласк череду.

Мы – красные тучки, летим и летим,
И голоден огненный взмах.
А где-то внизу в невеселом саду
Жалеет нас сытый мак.

Прекрасный вечер

[A LEGSZEBB ESTE](#)

Под зимой великой – вера, страсти, цели...
У тебя там тоже, госпожа, метели?
Сердцу ледяному ни конца, ни края,
Пролетела б тенью, льдинки подбирая...

Мерзнет мир одетый в ледяные нити.
Милая, скажи мне, Прошлого хранитель:
Отжелав, желаешь снова в те же грозы,
Чтоб в лицо швырнуть мне колкой зимней розой?

В быстротечном роке зелено сгорело,
Стало плоть от плоти звездной мое тело,
Но из боли смертной тот не возродится,
Кто оставил в прошлом дорогие лица.

Старой нашей клятвой в сердце – как иглою.
Полюбить -- любишь новое Былое?
Стали бы мы снова, если сброшу чары,
Прежней жадной, робкой, бедной, дикой парой?

Как бы целовал я, смехом хмурия брови,
Как в твоей бы ожил красной краске крови!
Всеблагая Дама, где ты, покажись мне,
Или хочешь в прятках забавляться с жизнью?

Дай опять поверить белой астре ложа,
Властным искушеньем хоть на миг стреножив.
Вновь сожмет тоскливых осуждений приступ
И к устам устами устремлюсь, неистов.

Все благословили б, охлаждая, губы,
Снегометный дар мой выдохну я клубом.
Возвратит и примет всё в последней встрече,
Нажурчит забвенья наш прекрасный вечер.

Я, бедный

ÉN. SZEGÉNY MAGAM

Я люблю тебя насмерть, мой верный,
Мой несчастный, тебя не предаю.
Ты прекрасен, ты всеми отвергнут,
Ты, мой бедный – я сам.

В голом мире – ни сердца родного.
Воспаленье бессонниц терпя,
Вижу я, взбудоражен луною,
Что люблю лишь тебя.

Ты – я сам – королев ожидавший
И поклон мудрецов-королей,
Видишь – пусто и рядом, и дальше:
Только я у дверей.

Одиноким, прекрасным и грустным
Поклонение провозгласим!
Я люблю тебя терпко и круто,
Горькой горечи сын.

Твердолобо и злобно покинут,
Ты не нужен был подлой толпе.
Красоте, утыкавшейся в спины,
Я хозяин теперь.

Вместо этого подлого мира
Я тебе воскурю фимиам,
Ты, кого негодяи срамили,
Ты, мой бедный – я сам.

Волшебный кровезвонный бой

[VÉRMUZSIKÁS, CSODÁLATOS HARC](#)

Еще деревья без листвы,
Но зелень прорастает в мире,
И в распутившихся кустах
Таятся озорные мифы.

Забыв недавние снега,
Привольем пьяные, мы можем
Одежды сбросить и возлечь
Нагими на дерновом ложе.

Причудливая тишина
Разбита хохотом победным:
От поцелуя поцелуй
Бежит, спасаясь мнимым бегством.

Нетерпеливые, бежим
Лицо в любовной маске пряча,
Бросает в жар, морозит в лед
Любовная озноб-горячка.

Волшебный, кровезвонный бой,
Призыв языческих мелодий!
Ветвей и нашей крови мрак
Цветами пышными исходит.

Спасающийся всадник

[A MENEKÜLŐ LOVAS](#)

Соляным столбом я
Встал среди разгрома
Складов и амбаров,
Дорогих пожитков
И родного дома.

В напасти нежданной,
В моровом упадке,
На пути опасном,
В страхе и потере,
В плаче и оглядке.

Сделай же так, Боже,
Чтоб язык отнялся,
Чтобы зубы стиснув,
Я с немым проклятьем
По земле скитался.

Дай мне, жизни ужас,
Сил не примириться,
Чтобы конь летел мой
Меж огней кабацких
По дороге птицей.

У тебя, голубки,
Встреченной на склоне,
Я прошу забвенья,
Мягкой, теплой ласки
Меж твоих ладоней.

Ты позволь, злой рок мой,
Лес, где ветви гнутся
И моргают листья,
Пробежать с присвистом
И не оглянуться.

В минуту отвращения

[AZ UNDOR ÓRÁIBAN](#)

Удушливому гневу хорошо бы
Брезгливое презренье предпочесть
И радостно освободиться в нем
От мертвой, от собачьей хватки злобы.

Я так устал, что жажду скорой смерти,
Досчитывая свой остаток дней,
Но я не бросил бы своих детей
Среди кровавой страшной круговерти.

А если изловчатся верховоды
Надеть узду на разъяренный люд,
То так оно, пожалуй, быть должно:
Лишь тот достоин воли кто свободен.

Неслыханно, чтоб кто-нибудь упрямый
Одним пером сумел сдержать судьбу
И уберег свой гибнущий народ
От неизбежной драмы.

С надменным отвращением так сладко
Смотреть, как надвигается на мель
Дрожащий под пиратским грабежом
Корабль с пробитым бортом, мачтой шаткой.

Мы все, когда бы в нас вонзались
Ножи и рифы, криком изошли б,
Но смалодушничали. Я смотрю
На все вокруг как будто в кинозале.

Песня о несчастье

[DAL A BOLDOGTALANSÁGRÓL](#)

Вся наша вера и дело –
Все прахом, все прахом, все прахом.
Счастливым везет,
Кто одним лишь несчастлив:
Собственным крахом .

Потому что все прахом,
Вся наша вера и дело,
Знамена, что мы водрузить хотели,
И отныне все прахом –
Счастлив, кто сломлен крахом.

Счастлив, кто сломлен крахом,
Ибо отныне все прахом,
Всё прахом, все прахом, все прахом.

Дай Бог

ADJA AZ ISTEN

Дай Бог,
Что не с руки тебе давать:
За сто печальных воскресений –
Веселых будней благодать,
Дай Бог!

Дай Бог,
Чтоб слезы больше нам не лить,
И чтоб в сердцах покой желанный
И совершенство привились,
Дай Бог.

Дай Бог
Хоть самый странный, дикий мир,
Чтоб нам комедией кровавой
Себя в том мире не срамить,
Дай Бог.

Дай Бог,
Что не с руки тебе давать:
За сто печальных воскресений
Веселых будней благодать,
Дай Бог!

Полупоцелуй

FÉLIG CSÓKOLT CSÓK

Огонь от полупоцелуя
Манит в дорогу:
За невозможностью в холоде ночи
С плачем гоняться,
Гнаться, продрогнув.

Вдруг остановимся, снова прижмемся,
Вспыхнем, остынем.
Ты отстраняешься: губы кровавы,
Губы – буравы.
Брак наш – не ныне.

Были бы сыты незавершенным,
Жертвы азарта!
Но пламя живуче, губы горячи...
Скажем печально:
Заново – завтра.

Стоим на вершине

VAD SZIRTETŐN ÁLLUNK

Вдвоем стоим на круче
В спаянности могучей
И губы в губах прячем.
Зажаты вздох и ропот
Шевельнемся – и в пропасть.

Молчи – и спасемся оба
Прильнувшие в ознобе:
Губы держат как скобы.
Целуй, заглушая ропот,
а скажешь слово – и в пропасть.

Я – горящая рана

[TÜZES SEB VAGYOK](#)

Я – горящая рана, пылаю,
Мучит роса меня, свет меня мучит,
Ты мне нужна, новой боли желая,
Шел я к тебе за мучением жгучим,

Дай добела раскаленные руки,
Боль – поцелуй, желание – жало,
Ад мой, моя нестерпимая мука,
Снова хочу тебя, мало мне, мало!

Страстью растравлен и в кровь исцелован,
Рана я, новый огонь неминуем,
Мучь ненасытного снова и снова,
Рана я, жги, прижигай поцелуем!

Костер засыпает

[HUNYHAT A MÁGLYA](#)

Пламя задремлет вскоре:
Но грустным старым глазам
Быть вечно в бессменном дозоре.

Если прогонишь, Леда:
Как старые верные псы
Глаза поплетутся следом.

Страстное пламя красно:
а вдруг полыхнет твоя кровь?
Напрасно всё это, напрасно.

Крадется призраков стая:
Грустно, устало глаза
Смотрят, не отпуская.

Зря искушаешь белоснежно

[HIÁBA KÍSÉRTSZ HÓFENÉREN](#)

Я зачерню, запачкаю тебя
Прекрасной ночью снежной, нежной:
Зря искушаешь белоснежно.

Пусть тень твоя передо мной
Предстанет в платье белом, тонком,
Из сердца я тебя исторгну.

Меня не тронут страх и дрожь:
Я брызжу желчью и слюною,
Кроплю чернилом, кровью, гноем.

Пускай дрожит, пускай дрожит:
Хлещу крапивой ядовитой,
Колю упреками сердито.

Довольно, ты мне не нужна!
Натешившись над зыбкой тенью,
Как пух сдуваю прочь виденье.

Нас ждут на юге

VÁRNAK REÁNK DÉLEN

Ветры теплые клекочут
В южных далях, в южных далях,
Где-то там, у лукоморья
Ожидают, ожидают.

Там мы слушали когда-то
Голос вод больших и синих
И не знаем, и не знаем,
Что красивей, что красивей.

Лодка там на волнах синих
В путь отправиться готова.
Опоздаем, опоздаем –
Никогда не сможем снова.

Ветры теплые клекочут
В синем море, в синих водах,
К южным далям, к южным далям
Лодка в путь без нас уходит.

На винограднике иссохших лет

ELILLANT ÉVEK SZŐLŐHEGYÉN

На винограднике иссохших лет
Я справил пир. Осенних песен суло
Стекло с груди, оставив пенный след.

Под ливнем бьющим тяжко, как свинец,
Я сплел из сизых виноградных листьев
Своей поникшей голове венец.

Среди оборванных, побитых лоз,
Прикладываясь к верному кувшину,
По склону вверх взбираюсь тяжело.

Там наверху, когда сгустится мгла,
Остановлюсь, кувшином грохну оземь,
Веселой, доброй ночи пожелаю.

Звуки осени

AZ ŐSZI LÁRMA

Уже слышали?

Кто-то стонет осенней ночью

Там где клубятся тумана клочья.

Ухает глухо...

Кто-то красть повадился вздохи,

Кто-то колотит в трухлявые доски.

Кто-то древний...

Жил не видя светил небесных,

Теперь оглядеться собрался, бедный.

Женщины на берегу

[ASSZONYOK A PARTON](#)

У воды они стояли,
Горько плакали, махали
Мне платками и цветами.
Я был рад на корабле.

Смерклось, и в тумане тая,
У воды они стояли,
Но еще платок виднелся,
Но еще взлетал цветок.

Ночь темна, черна настала,
Словно месь или бывое.
У воды они стояли.
Плакал я на корабле.

Ни одной уже не видел,
Ни цветов и ни косынок,
И звучало словно сказка:
«У воды они стояли...»

Спасайся, спасайся

[MENEKÜLJ, MENEKÜLJ INNEN](#)

Юнцом удрав от затхлой лужи Эра,
Теряешь время зря. Не дожидайся:
Нужды в святых провидцах здесь не знают,
Спасайся, спасайся!

Ммир черен здесь, где Гунния упрямо
И сонно старый бой ведет: ей надо
Разбить грядущее. Баллады ей по вкусу,
Баллады, баллады.

Ты все поешь, с глазами в лихорадке,
Больной пророк, а смерть вот-вот подкосит.
Ты все еще мечты свои о лаврах
Не бросил, не бросил?

Швырни в огонь собранье нежных песен!
Теряешь время зря. Не дожидайся.
Юнцом удрав от затхлой лужи Эра,
Спасайся, спасайся!

До слез желанное добро

[JÓSAĞ SÍRÓ VÁGYA](#)

В ласках, дарах и опеке,
Нежное слово глотая,
В теплых ладонях оттаять,
Остаться бы добрым навеки.

Пылая негаснущим пылом,
Не обретать и не тратить,
Быть всем вселюбящим братом:
Суметь бы, чтоб вечно так было.

Надежд не крушить. Не медью –
Веселой верой делиться,
С чужими слезами слиться:
Благословить суметь бы.

В ласках, дарах и опеке,
Нежное слово глотая,
В теплых ладонях оттаять,
Остаться бы добрым навеки.

Спотыкается душа

[BUKDOSIK A LELKEM](#)

Душа моя оступилась,
Словно конь на льдине:
Осыпалась
Вся моя гордыня.

Опала как хвоя
У отжившей ели,
Неслыханно,
Чтоб так сиротели!

Топором рубили,
Пилами пилили
Гордость мою,
Вот и повалили.

Мудрый-распремудрый
С нею я прощаюсь,
Но и мудрый
Душой спотыкаюсь.

Вечное детство

[AZ ÖRÖK GYERMEKSÉG](#)

Что за сладостное горе:
В мир смотреть до самой смерти,
До последнего дыханья
Детским взором.

Ужасает, ужасает
Вновь и вновь людская злоба
И рыданьем и испугом
Сотрясает.

Донимаешь всех вопросом:
Что так мало добрых, чистых?
Но ответ не понимаешь,
Он для взрослых.

И кошмар ночной в ответе,
И дрожат в испуге руки,
Как у сохнувшего клена
Листья, ветви.

И вздохнешь: одним лишь даром,
Даром грустным и бесценным,
Бесконечным старым детством
Обладаю.

Зимняя Венгрия

A TÉLI MAGYARORSZÁG

Качу по рельсам, торопясь
Через венгерскую равнину:
Повсюду ночь да снег да иней,
Деревни спят.

Под одеялом ледяным
Что видит хутор, убаюкан
Гуденьем трубным белой вьюги,
Неужто сны?

Неужто сон к нему идет?
Я – сельский мальчик, давний, древний,
Под Рождество бегу деревней,
а в сердце лед.

Качу равниной. Даль снежна.
И чую: этот холод страшен,
Мертвы и я, и села наши:
Мы спим без сна.

Псалом Святой Невозможности

SZENT LEHETETLENSÉG ZSOLTÁRJA

В адском взмахе взлетают качели:
Взлет паденья, паденье взлета,
Сверху, снизу – бездны огня:
Снизу мнимо, вверху – в самом деле.
И повсюду, повсюду гранит
Запретных межей и градаций,
Я разбит о камни границ,
Ибо жду, чего не дождаться.
О, кровавейшая из мук!..
С воем рвут желанья запоры,
Размалеванный кровью скелет
Грозно тычет перстом укора.

И сплошная возможность вокруг,
Всё, что мнимо и всё, что снится.
Бога нет, чтоб этот размах,
Эта мука могли прекратиться,
Чтоб желанье достигло
Недостижимое,
Чтобы руки схватили
Неуловимое.
Ослепляют огни из глубин,
Грудь хрипит, в голове разлом,
На болезненно тяжком закате
Я пою свой безумный псалом.

Комедия сердца

[A SZÍV KOMÉDIÁJA](#)

Грохочет сердце: две когорты
Насмерть сражаются в нем:
Те, кто были любвеобильны,
И те, к кому я напрасно
Горел любовным огнем.

В алых латах и в белых латах
Друг друга крошат и рвут,
И всегда побеждают белые,
Алых теснят из сердца,
Словно там век живут.

И я, слушая как рокошет
Старое сердце вновь...
Любил ли я тех, покорных?
И не они ли сами
Отвергли мою любовь?

В алых латах и в белых латах,
Картинно хороши,
Любящие и любимые
В сердце моем играют
Вечный спектакль души.

Белая женщина замка

A VÁR FEHÉR ASSZONYA

Моя душа – старинный замок:
Мох, жуть, гордыня, пустота.
(Что там в глазах моих огромных?
Лишь темнота, лишь темнота.

Заброшенные залы гулки,
С печальных стен устремлены
В долину взгляды темных окон.
(Глаза усталостью полны).

Здесь души в вечном хороводе,
Могильный дух, туман разлит,
И шелестят во мраке тени,
И нечисть по углам скулит.

(Лишь иногда в глухую полночь
В глазах печальных вспыхнет свет)
Смех слышится из окон замка
И виден белый силуэт.

Подброшенный камень

[A FÖL-FÖLDOVOTT KŐ](#)

Камень подброшенный – пленник земного,
Крохотный край мой, снова и снова
Сына встречаешь.

Он, облетевший дальние башни,
Бьется с тоской в эту пыльную пашню,
В ту, что покинул.

Все порывается, но не сбегает.
Страсть по-венгерски: то утихает,
То разгорится.

Я в своем гневе, в тяжелой измене,
В тяге любовной – ваш неизменно,
Хмурые венгры.

Камень подброшен – бьет поневоле.
Крохотный край мой, вскрикни от боли,
В грудь пораженный.

Что тут поделывать... Брошен стократно,
Я прилетал бы сто раз обратно
Снова и снова.

Гимн Ничему

[A NINCSEN HIMNUSZA](#)

Светлеет утром запад,
Приходит ночь с востока,
Наш Бог – не милосердный,
а дьявол не жестокий.

Зима костром пылает,
Холодный погреб – лето,
Грех – высшая заслуга,
Греховна добродетель.

Сугроб чернее ваксы,
Белы смола и сажа,
Реально только «если б»,
А «есть» – обман миража.

Вкус меда горько-жгучный,
Соль – сладкие кристаллы,
Смерть – вечная пирушка,
а жизнь – лишь полустанок.

Цветок пурпурный – горе,
А слава – чахлый листик,
Святая правда – «завтра»,
«Сегодня» – небылица.

Что есть – не существует,
Ничто – и есть и будет,
Черт нам дороже брата,
А Бога мы осудим.

Огнедобытчик

A TŰZ CSINOLÓJA

Великие дела давались
Лишь тем, кто бился храбрецом,
Кто мог стократно быть отважным
С обветренным стократ лицом.

Огнедобытчик стал героем
В догероическую рань
И взял неведомое пламя
Как подобающую дань.

Величественный и озябший
К награде он тянул ладонь,
И в наши дни по жилам храбрых
Течет его крови огонь.

Нет, этот мир не тем завещан,
Кто на попятный рад скорей.
Тот ныне лучше всех, кто храбрый,
а лучше лучших – кто храбрей,

Кто хочет, чтоб иначе стало,
Бесстрашно вытерпит ожог
Как пращур наш – огнедобытчик,
Невозмутимый словно бог.

Черное форепьяно

[A FEKETE ZONGORA](#)

Рыдают, ржут, грохочут струны...
Разбегайся кто не пьяный
От такого фортепьяно!

Слепой тапер его терзает –
И песней жизни слух пронзает
Черный ящик фортепьяно.

Мой звон во лбу и сердца слезы,
Грудь желаний окаянных –
Это все ведь фортепьяно.

И кровь мою из раны сердца
Толчками хлещет в такт веселью
Черный ящик фортепьяно.

Привет победителям

ÜDVÖZLET A GYŐZŐNEK

Осторожней, растопчите сердце!
Осторожней, раздавите сердце!
В нашем сердце прекрасном, бескровном
Наконец-то желанье: взлететь.

Мы – зловещие хмурые венгры,
Сколько помним – больны мятежами,
Нас проклятые негодяи
Врачевали страхом, резней.

Но гудят наши грязные стойла...
О, кроваво-хмельные поминки,
О, зловеще-гиблые склепы!
Перед вами гробы, гробы.

Мой народ был юродивым мира:
Изнуренные бедные венгры...
Побеждайте же нас, победители!
Победителям привет!

Тот кто умеет ждать

[KI VÁRNITUD](#)

Держись!

Свободны время, рок и жизнь

И тот, кто научился ждать.

А ждать

Умеет тот, кто никогда

Перед самим собой не лжив.

Держись!

Тот больше всех добра нажил,

Кто в наши дни умеет ждать.

Марионетка

A KEZEK VÁBJA

Я повсюду вижу руки:
Руки вьются черной стаей,
Руки манят, отвергают,
Похищают и даруют,
Леденят и обжигают.

Я в руках марионетка,
Я печальная игрушка:
То подбрасывают к звездам,
То в помой окунают,
То со мной танцуют руки.

Руки всем моим владеют:
Обездоленная доля,
И вино, и намеренья,
И любимая, и пыл мой
Мне отпущены их волей.

Жертвенник-самосжигатель,
Выродок-огнепоклонник,
На костер идти готов я,
Все мое – одна сигара,
Дым клубится сизым слоём.

В дым сигарный подсыпаю
Ароматное куренье,
Вот костер пылает, руки,
Вот горит моя сигара,
Вам недолго ждать, терпенье!

Мой грех

[AZ ÉN BŰNÖM](#)

Я лишь давал, давал, давал,
а вы все брали, только брали,
Что ж костью в горле стал я вам?

Я только жил и только пел
Все больше, лучше и сильнее.
Не в том ли грех, что так сумел?

Но разве я судил и клял
Из превосходства над другими?
Себя я лучшим не считал.

Другой судьбы, как видно, нет,
Всему что ново и прекрасно.
Хоть не родись на этот свет!